

Киров и Горький

Сим. ДРЕЙДЕН

Весной 1910 года на страницах владикавказской демократической газеты «Терек» был напечатан отчет о лекции некоего Лисовского, посвященной современным литературным течениям. Автор этого отчета вышел далеко за рамки простой референции о лекции. Отчет носил остро polemический характер, касался самых существенных проблем идейной борьбы в литературе, подчеркивая социально-классовый характер литературных течений того времени. Сопоставляя творчество Максима Горького и Леонида Андреева, автор отчета делал выводы, носившие боевой политический характер, звучавшие суровым приговором писателю, поддавшемуся мелкобуржуазной панике, и декларировавшие, в то же время, солидарность с передовым революционным художником эпохи — Горьким. Отчет заканчивался характерным замечанием: «Место не позволяет нам останавливаться дальше на творчестве Андреева. Скажем только одно. Его мятущаяся душа и до настоящего времени не может найти выхода из страшного круга «так было — так будет», в то время как другой наш соотечественник — Горький горячо верит, и этой верой пылают все его произведения последних лет, что «так было», но скоро «так не будет!»

Автором этой статьи, подписанной инициалами С. М., был Сергей Миронович Киров. В своих статьях, печатавшихся в «Терек», высказываниях, письмах того времени, обличая мещанство, духовный паразитизм, обывательщину, тов. Киров не раз вспоминал собирательный горьковский образ города Оккурова, цитировал программные слова горьковских героев:

— Человек — выше сытости!
— Нет такого расписания поездов, которое бы не изменялось!

«Так было, но скоро так не будет» — этой мыслью проникнуты высказывания и самого тов. Кирова, пользовавшегося каждым поводом, чтобы подчеркнуть огромную идейно-художественную силу передового писателя эпохи. И естественно, что в своей газетно-редакционной практике тех лет он использовал малейшую возможность для популяризации любимого писателя.

Имя Горького можно часто встретить на страницах «Терека», каждое новое его произведение освещалось любовно и заинтересованно, нередко газетный подвал отводился перепечатке нового рассказа или очерка Горького, только что появившегося в столичной печати¹, а в некоторых случаях просмотр комплекта «Терека» за 1903—1917 гг. позволяет обнаружить произведения Горького, не вошедшие в позднейшие библиографические справочники. Во всем этом нельзя не увидеть прямой инициативы Сергея Мироновича, что подтверждают и товарищи, непосредственно работавшие с тов. Кировым в редакции «Терека».

Когда местный владикавказский театр поставил в 1913 году пьесу Горького «На дне», тов. Киров тотчас же откликнулся на постановку, тем более, что она театру была неохотно разрешена и, в частности, не включена в репертуар удешевленных, рассчитанных на массового зрителя спектаклей. Постановка не удовлетворила тов. Кирова, и он с нескрываемым чувством горечи писал о ее недостатках, внимательно анализируя пьесу и спектакль, характеризуя трактовку каждого образа и сопоставляя ее с замыслами Горького.

На страницах «Терека» был перепечатан замечательный отрывок из письма М. Горького грузинскому обществу переводчиков, образованному в Баку для популяризации среди русских читателей творчества грузинских писателей: «...На мой взгляд ваш почин, — писал Горький, — кроме того, что достоин похвалы и всяческого поощрения, является вместе с тем весьма кстати, так как мы переживаем такой момент, когда усиленным темпом должно пойти духовное объединение всей России в противовес тем общественным силам, которые ведут ее к разложению».

Под этим объединением я не разумею гегемонию культуры какого-либо одного народа, являющегося в пределах Российской империи, нет, я подразумеваю необходи-

мость свободного, непринужденного союза различных народов, которые должны объединиться на основах своих культурных и исторических прав, способствуя своему национальному самоопределению. Как вам известно, прочен и могущественен союз только свободных сторон».

Личное знакомство Кирова и Горького состоялось лишь в 1928 году, когда после нескольких лет лечения за границей Горький возвратился на родину и в конце августа на несколько дней приехал в Ленинград. Встреча была искренней и задушевной. С тех пор Киров и Горький встречались не раз, и каждый раз все теснее завязывались узы их дружбы.

Узнав о первом приезде Горького, Киров просил товарищей, ранее знакомых с Горьким, всесторонне информировать великого писателя о советской жизни: надо помочь Горькому увидеть все своими глазами, широко распахнуть перед ним двери заводов, фабрик, вузов, рабочих домов — правда жизни, правда революционной действительности скажет Горькому все за себя. За несколько дней Горький побывал в Ленинграде и на Балтийском судостроительном заводе, и в новой школе, и на заседании городского комсомольского актива...

В следующий приезд, летом 1929 года, Горький, на этот раз уже вместе с Сергеем Мироновичем, вновь побывал на стапелях Балтийского завода, присутствовал на выпуске новых лесовозов, и по возвращении с поездки по краю до глубокой ночи возбужденно делился с Кировым, пришедшим к нему в гости, богатыми впечатлениями от поездки по стране. В течение многих часов беседовал на излюбленную тему о «воспитании трудом», рассказывал, спрашивал, снова спрашивал, вспоминая прошлое, и Киров, который сам был удивительным рассказчиком, наслаждаясь, слушал Горького...

Во время этих встреч Киров и Горький оживленно обсуждали и ряд крупнейших принципиальных вопросов — об издании истории фабрик и заводов, истории гражданской войны, истории русской и мировой литературы, о детской книге, вопросах, разрешение которых двигало вперед дело советской литературы.

Тов. Киров с большим интересом отнесся к горьковской идее о создании «Истории гражданской войны». Решением ЦК ВКП(б), одобрившим предложение Горького, тов. Киров был введен в состав редакционной коллегии этого издания и принимал в ней живое участие. В равной мере его заинтересовала мысль о создании «Истории фабрик и заводов». Тов. Киров систематически знакомился с планом издания, работой авторских коллективов, неизменно возвращался к этому вопросу в беседах с руководителями Государственного издательства. Чрезвычайно увлечен он был и замыслом Горького о выпуске периодических изданий нового типа — журнала «СССР на стройке», который должен был наглядно освещать успехи социалистического строительства, журнала «Литературная учеба», серии книг «Библиотека поэта», «Жизнь замечательных людей», «История молодого человека XIX века»...

Неисчерпаемая инициатива Горького в деле культурной пропаганды находила неизменную поддержку тов. Кирова. Он горячо откликался на боевые публицистические выступления Горького.

Высказывания Горького о типе советского писателя, жестокая горьковская критика «литературных забав» были как нельзя более близки взглядам самого тов. Кирова. В беседах с товарищами, непосредственно работавшими в области искусства, он часто и настойчиво ставил вопрос об идейном и моральном облике советского художника, напоминая о необходимости глубоко внедрять в сознание благодарное чувство достоинства художника-гражданина.

Выступления Горького «в защиту языка», за культуру слова, против неграмотной, некультурной, «засоренной», далекой от народного словесного богатства речи тотчас же вызвали живую, убежденную поддержку тов. Кирова. В известной речи о школе («вопрос о школе — это вопрос о нашем дальнейшем движении вперед») тов. Киров, наряду с уничтожающей критикой школьных «проработок» классиков и т. п., особо подчеркивал значение призыва Горького:

«...Здесь много говорили об иностранных языках. Я за французский язык, и за английский, и за диалектику, и за логику, но давайте сначала сделаем так, чтобы наш учащийся был элементарно грамотным, чтобы он знал свой родной, русский язык, знал так, как говорит об этом Горький».

25 сентября 1932 года вся страна торжественно отмечала 40-летие литературной и общественно-политической деятельности Горького. Разносторонний план проведения юбилейных горьковских празднеств в Ленинграде разрабатывался и осуществлялся под непосредственным руководством Ленинградской партийной организации и тов. Кирова. Ленинградский обком и горком ВКП(б), возглавляемые тов. Кировым, обратились с горячим приветствием к великому художнику, всем своим творчеством бросающему вызов насильно и лжи буржуазному строю: Максиму Горькому — великому гражданину Советского Союза». «...На твоих произведениях учаются и воспитываются миллионы рабочих и колхозников. В своем творчестве ты воплощаешь непобедимую мощь передового класса. Мы уверены, что твой громадный художественный талант еще долго будет служить делу Ленина, делу коммунизма».

Как и в прежние годы, Киров продолжал быть душевно заинтересованным, внимательным, «жадным» читателем и зрителем произведений Горького. Не дожидаясь выхода романа отдельным изданием, он читает в журнале «кусочками» первые части «Жизни Клима Самгина», с большим удовлетворением встречает цикл горьковских очерков «По Союзу советам», рекомендует вниманию пропагандистов-докладчиков воспоминания Горького о Ленине, как одно из драгоценнейших пособий для восприятия живого облика Ильича...

24 сентября 1932 года в Москве (театр имени Вахтангова) и 25 сентября в Ленинграде (Большой Драматический театр имени Горького) состоялась премьера юбилейной пьесы Горького «Егор Булычев и другие». Тов. Киров воспользовался первыми же свободными вечерами, чтобы посмотреть пьесу в обеих постановках. Ленинградский спектакль, на который тов. Киров поехал первоначально, не на шутку его огорчил, — с тем большим удовлетворением встретил он постановку вахтанговцев, в которой горьковский замысел нашел наиболее яркое и убедительное воплощение. Восхищенный блестящей игрой Щукина — Егора Булычева, он воспользовался ближайшим поездом в Москву, чтобы еще раз посмотреть спектакль.

Что же касается ленинградской постановки, то, вспоминая, как трактовался там образ центрального героя, он возмущенно говорил П. И. Чагину:

— Это ж нужно так ухитриться испортить пьесу. Просто больно за Алексея Максимовича!

В последние годы жизни Горького враги народа всячески пытались «оградить» великого писателя от живого, повседневного общения с массой советских писателей, мешая даже встречам Горького с его ближайшими помощниками по руководству союзом. Ленинградские писатели, обеспокоенные таким явлением, обратились к тов. Кирову. Когда во время этой беседы один из писателей стал просить извинения, что тревожит его по мелочам, тов. Киров немедленно отозвался украинской репликой: «Горький — не мелочь!»

Глубоким, искренним, серьезным было ответное дружеское чувство Горького. Злодейское убийство товарища Кирова — «прекрасное человека, одного из лучших вождей партии, идеального образца пролетария, мастера культуры» — потрясло писателя: «Всей душой разделяю горе партии, горе всех честных рабочих», — писал он в «Правде» в траурные дни.

Переписка Алексея Максимовича 1934—1935 гг. содержит ряд взволнованных откликов на злодейское убийство тов. Кирова.

«Я получил письмо, в котором вы, т.т., заявляете о вашем решении построить танк «Наш ответ», то-есть ваш ответ гнусным убийцам Сергея Мироновича Кирова, одного из образцовых большевиков, прекрасного человека, — отвечал Алексей Максимович группе рабочих корреспондентов: — Не буду говорить о том, как глубоко взволновало меня ваше намерение... Для меня великая радость знать, что вы почувствовали, поняли социальную опасность дальнейшего существования буржуазии и капитализма, опасность существования нарушителей всех человеческих прав, грабителей всего мира, воров энергии природы, ее сокровищ и вашей энергии. Понять это — значит — бороться против этого. И я от всей души поздравляю вас с тем, что вами понята необходимость этой борьбы...»²

Дружба Кирова и Горького была неразрывным, органичным, идейным родством передовых людей социалистической эпохи.

«Многоликие герои нашей действительности уже дают возможность создать из них одного героя. Товарищ Сергей Киров убит нашими врагами потому, что он был именно таким героем», — писал Горький в одной из статей 1935 года. И дальше, говоря о том, что «убийство Кирова, факт, который невозможно забыть», напоминая о суровых уроках, которые надлежало сделать из этого «идиотского и подлого преступления», развивал все ту же мысль — о лучших чертах героя нашей действительности, воплощенных в живом образе Кирова!

«... Мерзавцы убили Сергея Кирова, одного из лучших вождей партии, образцового работника в деле возрождения пролетариата и крестьянства к новой жизни, к строительству социалистического общества, убили простого, ясного, непоколебимо твердого, убили за то, что он был именно таким хорошим — и страшным для врагов».

Идеальным образцом пролетарского революционного художника, мастера культуры, подлинного инженера человеческих душ был и оставался для Кирова Горький, и недаром с такой искренностью призывал он писателей во всей своей жизни и деятельности «подтягиваться к Горькому», брать от Горького все, что в их силах.

² Письмо датировано 29 января 1935 года (оригинал письма хранится в Архиве А. М. Горького).

¹ Так, в комплекте «Терека» за 1916 г. среди «горьковских» подвалов можно обнаружить, например, следующие: «Средства против семейных драм. (Тема для романа)» (№ 5533), «Воспоминание. Вечер у Шамова» (№ 5592) и др. В № 5148 (от 14 марта 1915 г.) на первой полосе напечатана большая заметка под заголовком «Новый рассказ Горького «Слоудей». Заметка начинается с указания, что «в портфеле М. Горького хранятся перлы, равные лучшим произведениям писателя», после чего подробно излагается содержание рассказа. В № 5312 (от 7 окт. 1915 г.) — большая «шпалва» — «М. Горький о еврейском вопросе» (перепечатка в значительных извлечениях статьи Горького из сборника «Щит») и т. д.